

8

Спутанность, которую я описал в лекции 7, является такой важной чертой человеческой деятельности, что мы и дальше должны продолжать обсуждать этот вопрос. И, во-первых, мы должны остерегаться опасности преждевременного поиска решения, которое могло бы устранить из обсуждения то, что вполне может быть существенной чертой человеческой психической деятельности. Обсуждение предназначено не прекращать, а освещать предмет обсуждения. По аналогии, было бы опасно заменять живое описание человека его портретом.

Ситуация, которую я хочу описать, используя обычную временную шкалу недель, месяцев и лет, находится где-то между шестнадцатью или семнадцатью и двадцатью тремя или двадцатью четырьмя годами: если разместить ее в более живописных и менее математических терминах, то в подростковом периоде. Но термин «период» фальсифицирует ситуацию, упрощая ее. Я попробую рассмотреть состояние разума, которое ни в коей мере не является патологическим, никоим образом не больным и ни в коем случае не стабильным, хотя болезни и патологические события могут быть частью изученной «фазы». Я могу себе представить, что скоро придет время, когда не будет психоаналитиков вообще, а только лишь специалисты в каком-то конкретном аспекте психоанализа, например, по конкретным фазам, на которые назначаются отдельные психоаналитики. Но использовать эти категории и не замечать, что они связаны с ограничениями человеческого разума, а не с границами изучаемого предмета, значит вносить дополнительную спутанность и в без того запутанную ситуацию. Это особенно важно, когда мы изучаем человеческую личность. Аналогии, взятые из анатомии и физиологии, могут высветить это, но перестают это делать, если их проявления перестают наблюдаться.

Отсутствует реализация, которая приближается к словесному описанию этой фазы турбулентности. Например, в

подростковом возрасте турбулентность возникает, когда личность все еще достаточно детская, чтобы могла вспомнить, на что ее чувства похожи, и уже достаточно выросла, чтобы осознавать, что чувствуешь, когда вырастаешь. Хотя мы и не выказываем тех признаков, которые похожи на грубые трансформации, которые происходят, например, когда головастик превращается в лягушку, у нас есть эти периоды перехода, которые гораздо более заметны, чем периоды между ними. Мы можем говорить о до-, пост- или запаздывающем подростковом возрасте, и каждая категория может быть разбита на все более мелкие и тонкие категории. Эти временные категории являются пережитками предыдущей культуры, подобных тому, как час состоит из шестидесяти минут или что в круге триста шестьдесят градусов. Вам не понять, как одна минута превращается в другую, только если вы не будете смотреть на часы или любой другой механизм подобного характера. В равной мере, также и в психоанализе, вы не можете увидеть ни одну из этих категорий, если вы не будете заглядывать во что-то вроде психоаналитической статьи или книги. Реальность гораздо более запутана, и нет никаких признаков того, чтобы человек понимал, к какой реальности он приближается; есть единственная уверенность в том, что эти признаки означают человеческую характеристику. И все же полезный источник спутанности возникает из-за неспособности отличить своеобразие человеческого разума от реальности, в которой мы существуем.

Фрейд наметил множество характеристик и периодов, которые распознаются как человеческие, подобно характеристикам человеческого разума и человеческой личности. Именно эта работа позволяет сейчас более подробно рассмотреть определенные периоды. Практический анализ - это то, что я назвал бы фактическим переживанием некоторого периода или состояние психики некоторого рода, как своего собственного, так и другого человека, которое может быть разделено в аналитическом опыте. Человек в подростковом периоде сталкивается с остатками детских мыслей, чувств и идей,

которые все еще живы в нем. Они рудиментарны, но они продолжают существовать с большой жизненной силой. Как предполагал Фрейд, в таком замечательном изобретении как язык остаются следы такого рода. Грамматика отображает некоторые из них: например, метафоры. Некоторые из них уже мертвы, но некоторые все еще живы. Если кто-то скажет: «Я чую крысу; Я пресеку это на корню», это две метафоры, все в порядке с их содержанием, но объедините их вместе и эти мертвые клише, эти мертвые метафоры, оживают, и результат просто плачевен, абсурден. Некоторые из этих умерших или умирающих состояний психики ужасно живучи, чтобы быть хорошо соотносенными [с тем, чтобы соответствовать или согласовываться с ними], но некоторые из них не соотносятся с наступившими состояниями психики, пост-подростковыми душевными состояниями, которые также оживают. Так что с душевными состояниями, которые, как предполагается, должны умереть, и с душевными состояниями, которые должны появиться, возникает запутанная ситуация. Трудно сказать, приходит ли душевное состояние, в котором мы находимся, или которое мы изучаем, в упадок или становится зрелым. Именно это делает такой период, как подростковый, настолько трудным как для самого подростка, так и для стороннего наблюдателя. Наблюдатель (аналитик) находится в особой позиции, потому что он должен оставаться стабильным, оставаться в одной и той же дискурсивной вселенной и использовать один и тот же язык, и если он говорит, что он говорит метафорически, он должен использовать метафоры, которые являются когерентными в этой конкретной дискурсивной вселенной. Он не должен быть тем музыкантом, который пишет музыку, но не указывает, что он изменил ключ; в беседе должно быть сказано об «изменении ключа». Аналитик должен быть в состоянии сказать: «Я не говорю о хирургии, о религии, об искусстве - хотя все эти вещи могут всплывать в ходе нашей беседы. Я говорю о психоанализе.»

К сожалению, мы должны использовать уже имеющийся у нас в наличии язык. Мы можем использовать слово «зависть».

Люди, которые не являются психоаналитиками, уверены, что знают, что такое зависть; для людей, которые являются психоаналитиками, все не так однозначно. Я думал, что знаю, каким был психоанализ двадцать лет назад; сегодня мне известно слишком много об этом, или, по крайней мере, я знаю достаточно, чтобы понимать, как я невежественен в этом вопросе. Я не слишком сильно это афиширую, и не в последнюю очередь потому, что если я найду кого-то, кто думает, что он знает больше, но это будет не так, то я займу чье-то место.

Кто-то говорит: «Я знаю, что такое зависть, я знаю все о зависти». Но задайте себе вопрос, разве они знают, что такое психотическая зависть? Или, обратимся к медицине, взяв себе оттуда метафору, знают ли они, что такое суб-таламическая зависть или суб-таламическая ненависть, или инфра-таламическая, или ультра-таламическая? Здесь и сейчас я наскоро мастерю язык, на котором я выражаю свои мысли и идеи. Трудно выразить то, что я пытаюсь передать, даже находясь в таком привилегированном положении, когда я могу обратиться к людям, знакомым с миром мысли; к людям, которые могут быть аналитиками, психологами, художниками или музыкантами, ко всем тем, кто знаком с каким-то аспектом функций человеческой психики. Психоаналитик, который пытается передать свои знания или опыт кому-то другому, всегда рискует, потому что этот человек может сказать: «Я не могу больше выносить эту глупость, лучше я закрою уши» или «Я терпеть не могу все это; Я больше не собираюсь ни на какие лекции, доклады, психоанализ и тому подобное - все психоаналитики сумасшедшие». Однако нам приходится мириться с тем, что нас обвиняют в том, что мы ничего не знаем о нашем предмете. К сожалению, они очень близки к истине, но не совсем. Я подозреваю, что на самом деле мы не уникальны в этом вопросе, что если бы мы могли установить контакт с реальностью, скажем, медицины, мы могли бы сказать, что если вам нужен врач, то перспективы действительно мрачные. Вы обнаружите вокруг массу людей, которые квалифицированы, которые имеют право наклеивать ярлыки, право носить громкое имя, но в реальности есть очень и

очень мало врачей. Многие люди оканчивали художественную школу и имеют степень или сертификат, но в действительности у нас очень мало художников. Время от времени появляется Пикассо, и он рискует быть изгнанным из своей страны; скорее случайность, если какой-нибудь выдающийся художник выживает и продолжает жить в том мире, каков он есть на самом деле. Поэтому работа, которую должны делать психоаналитики, имеет первостепенное значение, потому что, если она не будет сделана, человек не выживет. Кризис существует независимо от того, распознаем мы его или нет. Это может показаться спокойным и простым, как латентный период или детство, но если аналитик бросит внимательный взгляд на латентного ребенка с той интуицией и интуитивным аппаратом, какими он обладает, он увидит, что у латентного ребенка уже есть все зачатки того, чтобы быть половозрелым. Я не знаю, можно ли сказать, что то же самое относится и к младенцу, но выражение «ребенок является отцом для человека», безусловно, лаконично: ребенок никогда не является полностью ребенком; есть какой-то аспект ребенка, который уже может, если смотреть на него натренированным, обученным глазом, быть взрослым.

Мы вынуждены изучать лишь малую часть, короткий период человеческого разума. Я говорю «короткий», но он не короткий или длинный, хотя он имеет какое-то измерение. Получив квалификацию мы можем сказать, кто мы и что можем сделать; все мы можем мобилизовать тот аспект наших личностей, который легко проявляется и наиболее органичен для нас, и тем самым приводит нас в ту область, к которой мы особенно подходим. Тогда наши проблемы и начинаются, как у того теннисиста, который ходит к профессиональному тренеру, и когда он заканчивает тренироваться, он обнаруживает, что почти так же хорош, каким и был, когда не был профессиональным игроком. Но потенциально он может стать лучше, и он сможет обнаружить, скажем так, что у него крепкая спина, и он будет использовать это против своих противников. Так и аналитик: когда его обучение закончено, он может начать узнавать, кто он и что он может сделать. Это может занять много времени, но

надеюсь, не слишком долго. Мы живем только отпущенный нам срок, так что это дело чрезвычайной срочности. Через некоторое время люди узнают, что мы можем делать, и приходят к нам; мы получаем ту практику, к которой мы приспособлены, и к которой мы адаптируем себя.

Я хотел бы пробудить в вас идею изучения одной из этих узловых точек, которой вы могли бы дать, например, имя - подростковый возраст, пубертат или латентный период. Преимущество выбора подросткового возраста заключается в том, что у подростка всегда есть живое чувство как прошлого, так и того, что грядет. Вот почему подростки боятся, что они сходят с ума или опасаются, что они навсегда такими останутся, или боятся, что они не захотят ничего делать проходя психоанализ, или боятся, что они не захотят что-то создавать, или боятся, что они «гомосексуалисты» - еще один готовое слово для жаргона. Этот период турбулентности часто выявляют люди, которые не являются психоаналитиками. Они говорят: «Этот мальчик (или эта девочка) ведет себя очень странно, эти подростки, очень докучливые, очень тревожные люди, но что поделаешь это такой возраст». Или они могут сказать: «Это всего лишь ребенок», но никто не является только лишь ребенком. Нет такого взрослого человека, который был бы настолько взрослым, чтобы он не был еще ребенком. Нет ребенка, который уже не является взрослым. Человек в раннем возрасте физически зреет, но я не думаю, что мы согласны с тем, что человек в это время уже психологически или умственно зрел, или что этот этап может быть завершен в определенный момент. Было бы скороспелым или преждевременным утверждать о том, что ум перестает расти в возрасте восемнадцати лет, или в сорок лет, или пятьдесят или шестьдесят. Лет в восемьдесят это выглядит более правдоподобным; резонно было бы утверждать, что человек уже пришел к финишу или уже отказался от психики. Но очевидно, что мы не знаем дату, когда умственная зрелость была достигнута, и что начиная с этого момента происходит ее упадок.

Давайте оставим на некоторое время это относительно простое состояние отрочества и рассмотрим другое время, наподобие (физического) младенчества. Поскольку младенцы не могут говорить на том языке, к которому мы привыкли, хотя они могут издавать шум, похожий на речь взрослых, специалист в области детской психики должен быть в состоянии определить разницу между детскими шумами, у которых нет будущего, и шумами, которые однажды могут превратиться в человеческую речь. Когда вы слышите плач младенца или крик ребенка, вы должны быть специалистом, чтобы утверждать, что у *этого* конкретного крика нет будущего, а *этот* крик во что-то превращается. Если мы сможем развить наши способности и возможности к различению, то мы сможем увидеть и правильно обдумать, что мы можем видеть как различия.

В одном грустном пассаже из воспоминаний физика-атомщика Макса Планка, говорится, что он обнаружил, что нельзя ничему учить своих современников. Прогресс состоит не в том, чтобы они могли научиться чему-то. Просто они умирают и на смену им приходит молодежь. Это совершенное им печальное открытие должно быть известно любому аналитику.

Вопрос: Вы говорили о проблеме коммуникации с пациентом, обращая внимание на те преимущества, говорящие ему, что он может что-то понять. Аналитик часто видит, что пациент не может что-то понять. Как можно разговаривать с таким пациентом? Есть ли какие-то средства коммуникации, кроме использования языка, который мы используем?

Бион: Я думаю, что должен быть способ, но довольно трудно понять, в чем он заключается. Иногда дети, конечно же, понимают, что мы понимаем. Есть рассказ Беатрисы Поттер, «Сказка о Флоссиных крольчатах», о семье кроликов, которые «были очень опрометчивые и неунывающие». Дети, похоже, не испытывают затруднений понимать то, о чем им рассказывают, и все же невозможно поверить, что ребенок знает, что означает термин «опрOMETЧИВЫЙ». В той же истории мы слышим, что